

— Чэнчэн, ты мне нравишься! — внезапно подняв голову, громко воскликнула Нини. — Не волнуйся, я обязательно заставлю брата придумать, как забрать тебя у Мяньтао! А потом, потом...

Ее голос сначала затих, а затем снова окреп:

— А потом я сама стану твоей девушкой!

Не обращая внимания на мои расширенные от удивления глаза и открытый рот, Нини подбежала, встала на цыпочки, чмокнула меня в уголок губ и тут же пулей метнулась обратно в машину.

— Чэнчэн, ты обязательно должен меня дождаться...

Я даже не успел проводить взглядом уезжающую машину, как мой мир внезапно погрузился во тьму, а прямо над ухом раздался чей-то голос, полный скрежета зубов:

— Юйчэн, Юйчэн, тебе придется придумать, как усмирить мой гнев... Ты заставил меня так волноваться, пока сам сбежал на свидание с девчонкой, Юйчэн, Юйчэн... — голос постепенно становился всё тише и мягче, до ужаса нежным. — И что же мне с тобой делать... Что же делать...

Это был голос Мяньтао.

Это были его ладони, закрывшие мне глаза. Я чувствовал, как мое тело прижато к его груди.

Я внезапно выдохнул, осознав, как же сильно мне нравится ощущать его грудь — словно я был готов согласиться на то, чтобы навсегда потерять зрение, лишь бы вечно оставаться вот так, прижавшись к нему.

Правда, я был готов на это.

Когда мы ужинали, я уже примерно догадывался, что Мяньтао сделает со мной, когда придет время ложиться спать. На обратном пути из компании он крепко сжимал мою руку, не желая отпускать ни на миг. Стоило мне хоть немного шевельнуться, как он хмурился и на его лице проступало недовольство.

Раз удалось избежать беды один раз, не удастся избежать её вечно. Несмотря на страх, я вдруг ощутила легкое предвкушение — совсем крохотное.

— Ешь побольше, тебе нужно набраться сил.

Мяньтоу указал палочками на блюда, расставленные на столе.

Я кивнула, сама не зная почему, чувствуя, как краснеют щеки.

...Нини, прости, но для меня в тебе нет ощущения дома...

Я призналась самой себе, что мне нравится не только сам Мяньтоу, но и запах, исходящий от него. Когда он раскрывал объятия, чтобы обнять меня, я чувствовала давно забытое волнение. Словно тогда, в детстве, когда я гуляла с одноклассниками и попала под проливной дождь. Я прибежала домой со всех ног, сбросила у порога обувь и носки, ступила босыми ногами на пол, и мама, вынося горячий суп, сказала: «Чэнчэн, добро пожаловать домой».

Самый родной человек, самые привычные объятия и самая знакомая улыбка.

Я подняла голову и посмотрела на Мяньтоу.

Он положил очищенный кусочек крабового мяса в мою чашку:

— Это очень свежий, попробуй.— Мякиш...

Мякиш приподнял бровь и с недоумением посмотрел на меня.

— Мякиш, скажи, куда бы я ни отправился и что бы ни делал, если я вернусь, ты всегда будешь ждать меня здесь?

Он улыбнулся. Так сладко, совсем как булочка с начинкой из красной фасоли.

— Да. Я всегда буду ждать тебя здесь.

— ...Мы ведь уже встречались раньше, не так ли?

Он рассмеялся еще радостнее.

— Юйчэн, если это твои попытки приударить за мной, то я очень рад.

Я тут же вспыхнул. И правда, выглядело так, будто я сейчас пытаюсь с ним заигрывать.

— Наелся? — спросил Мякиш.

Погладив свой круглый от еды живот, я довольно икнул:

— Наелся.

— Раз наелся, значит, пришло время заняться делом. — Мякиш улыбнулся, словно хитрая лиса.

— Маленький воробушек, сегодня ты уж точно не убежишь.

...На самом деле, я и не собирался убежать...

Хотя это и был вопрос мужской гордости, сейчас мне было уже не до того.

Мякиш подхватил меня на руки. Странно, он никогда не работает грузчиком, почему же у него такая сила? Мой отец — человек очень утонченный, мама как-то в шутку сказала, что он и курицу в руках не удержит. Сила Мякиша была куда внушительнее.

— О чем задумался? Смотри, как твои глаза бегают туда-сюда.

Улыбающееся лицо Мякиша становилось все ближе и ближе, пока очень скоро в моих глазах не осталось ничего, кроме его глаз.

Снова глубокий поцелуй — настолько глубокий, что я решил, будто он готов проглотить меня целиком.

По кусочку, пока не обгложет до самых костей.

— Юйчэн...

Едва отстранившись, Мякиш все так же крепко сжимал меня в объятиях. Его кончик носа уперся в мой, он очень осторожно, но настойчиво потерялся о него.

— Чжэньцзэ... — в этот раз я наконец-то не назвал его Мякишем. — погоди, погоди... перед тем как мы займемся этим... не мог бы ты пообещать мне одну вещь?

Он с удивлением посмотрел на меня, а затем расплылся в улыбке.

— Какую вещь?

— Ты сначала пообещай, что согласишься.

— Я обещаю.

В душе я ликовал, но сохранил серьезное выражение лица.

— Хорошо, тогда не смей отказываться от своих слов.

Мякиш продолжал загадочно улыбаться:

— Конечно, я не нарушу обещания.

На кровати лежало новое постельное белье, на этот раз нежно-зеленого цвета.

Мякиш осторожно опустил меня на постель, но я вскочил на ноги, чем немало его напугал. — Юйчэн, с чего это ты вдруг стал таким притким? — я смотрел на него и улыбался.

— Ты ведь только что обещал мне выполнить одну просьбу, верно?

Он кивнул.

— Тогда... чуть позже, я буду сверху!

Ха-ха, раз уж мы оба мужчины, то, конечно, быть сверху куда почетнее. К тому же, когда мы подписывали наш договор, там не было ни слова о том, кто должен быть сверху, а кто снизу, так ведь?

Я теперь прекрасно знаю, что тому, кто снизу, бывает очень больно, а я боли не хочу. На этот раз я буду сверху!

Лицо Пельмешка приняло невозмутимый вид — в конце концов, глазные яблоки из орбит не выпадают, иначе остались бы одни пустые глазницы...

— Юйчэн... ты хоть понимаешь, что сказал?

— Понимаю!

Я ведь не дурак.

— ...Значит, ты правда хочешь быть сверху?

Я отчаянно закивал.

Лицо Пельмешка снова стало невозмутимым:

— Хорошо, раз мой маленький ворон так сказал, и раз я обещал тебе, то, конечно, я буду внизу, а ты — сверху.

Ура!

Правда, я еще не знаю, как это делается... Но как говорится, мост появится, когда дойдем до реки, должно же это быть мужским инстинктом? Попробуем — узнаем.

Перед этим нужно принять душ, вымыться до блеска. Гель для душа у Пельмешка с ароматом лаванды — как раз мой любимый запах.

— Юйчэн, ты скоро? — позвал меня Пельмешок снаружи.

— Уже иду.

Я соскользнул в воду, задержал дыхание и закрыл глаза. Сейчас что-то изменится, станет не таким, как раньше. Не знаю, радоваться мне или грустить, но в одном я уверен точно: я не пожалею.

Все это — мое собственное решение. К тому же... к тому же я понял, что этот белый Пельмешок мне нравится... Кто сказал, что принц, лишившийся королевства, не может обрести счастье? Я вынырнул из воды и жадно глотнул воздуха. Этот мир всегда благоволит ко всем — и к удачливым, и к невезучим, разве не так?

Сидя в халатах друг напротив друга, я нервно сглотнул.

Он слегка улыбнулся:

— Юйчэн, ты готов?

Я глубоко вздохнул:

— ...Да... — и уставился на него.

Пельмешок скинул халат, обнажив крепкое, тренированное тело.

Какие красивые мышцы... Но почему он такой белый?

— Хочешь заняться этим в одежде? Юйчэн, ты такой романтик.

Я... я не это имел в виду...

— Ты... ты зачем разделся?

С другой стороны, ведь это я должен быть сверху? Почему же сейчас я боюсь до смерти, ведь это Пельмешок должен волноваться. Я немедленно воспрянул духом и с резким звуком сорвал с себя халат.

— Ха-ха-ха... — Пельмешок расхохотался.

Что такое? Я поспешно осмотрел себя с ног до головы — вроде бы ничего необычного... Разве у меня нет того же, что и у него?

— Юйчэн, на самом деле ты тоже Пельмешек, только вот тут мы похожи. Наверное, это те места, куда не попадало солнце... Ты такой контрастный, Юйчэн... Ха-ха.

...

Я набросился на него, застал врасплох и повалил на кровать. Он перестал смеяться и тихо посмотрел на меня.

— Маленький ворон, если ты действительно будешь сверху, ты должен пообещать мне одну вещь.

— Говори, что за вещь. — я был очень доволен собой.

— ...Хм, ты должен будешь нести за меня ответственность.

— Ладно... что?! Ответственность?!

— Ага, — он снова улыбнулся, как лис. — Разве это не правильно?

Эх, на самом деле, через десять месяцев я бы просто ушел в отставку... А ответственность означает, что мне придется остаться здесь навсегда.

— Если не согласишься, то я... — Пельмешок сделал вид, что хочет перевернуться.

— Согласен!

В конце концов, слова к делу не пришьешь, да и я боюсь лишь того, что это он меня потом бросит, чего мне бояться?

— Тогда... — я постарался изобразить самую развратную улыбку, на которую был способен. — Начнем?

— Начинай. — Пельмешок был великодушен.

— Да, и свет выключи.

Ха-ха, Пельмешок тоже умеет стесняться. Хотя разве я уже не видел, как он краснеет?

Я нащупал выключатель, погасил свет, и затем...

Миг весенней ночи дороже тысячи золотых, а вовсе не седьмая глава.

Я ненавижу Пельмешка!!

Черт возьми! Он действительно выполнил то, что обещал... но... но... Оказывается, даже будучи сверху, я все равно остаюсь тем, кого «съели»... Любовь — это чертовски сложная наука...

Я лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку, и думал, что сделаю с Пельмешком, когда смогу пошевелиться.

— Юйчэн, я набрал воду, пойдем помоемся.

Голос Пельмешка, как и его улыбка, вызывал у меня мурашки.

Я закрыл глаза и не ответил.

— Юйчэн, Чэн-Чэн, ты на меня злишься? Мяньюань осторожно спросил меня.

Я вскочил с постели:

— Конечно! Ой...

Было так больно, что меня прошиб холодный пот. То самое место, о котором неприлично говорить, словно пронзили иглой или с силой наступили на него... В общем, боль была невыносимой!

Я ненавижу Мяньюаня!

— Юйчэн, что с тобой? — лицо Мяньюаня выражало крайнюю тревогу. — Ложись скорее.

Он уложил меня на спину, но сделал это слишком резко, снова задев больное место.

— Ой, умираю! — взвыл я.

— Юйчэн... — лицо Мяньюаня сменялось с бледного на красное. — Может, мне позвать врача?

В этот раз я не стал вскакивать, а просто перевернулся обратно на живот.

— Нет!

Еще чего. Показывать себя врачу в таком состоянии... К тому же я не кровоточу и внешних повреждений нет, хотя насчет внутренних я не уверен... В общем, я не хочу к врачу!

— Но тебе же так больно.

Мяньюань нахмурился, в глазах читалось искреннее сочувствие.

— Если знал, что мне будет так больно, должен был позволить мне остаться сверху! — стоило вспомнить вчерашнюю ночь, как во мне вскипела ярость. — Мяньюань — обманщик!

Большой обманщик. Ведь обещал же, а сам провернул такой трюк...

— Юйчэн, ты не совсем прав, — заметив, что я в нормальном расположении духа, он

успокоился и снова расплылся в улыбке. — Вчера ты действительно был сверху, разве нет?

Мяньтуань наклонился и бережно поднял меня на руки.

— Пойдем примем душ, хорошо? Через полчаса мне нужно быть в компании на собрании, так что у нас есть всего двадцать минут.

— Ты еще не мылся?

— Угу, вместе с тобой.

Мяньтуань сказал это так непринужденно, будто мы с ним обычно всегда принимаем душ вместе.

— Мяньтуань, — я знал, что сегодня нет смысла с ним церемониться, — забудем о том, что было вчера...

Да и не забудешь, ведь все уже случилось, я же не могу повернуть время вспять... А если бы мог, то хотел бы вернуться в дом, где были папа и мама. Но если бы я вернулся, встретил бы я тогда Мяньтуаня?

— ...И что потом? — Мяньтуань смачно поцеловал меня в лоб. — Про вчера забудем, а что потом?

Потом?

Если бы время повернулось вспять и я бы тебя не встретил, стал бы я скучать по тебе? Когда-то на уроке учитель говорил, что девять десятых людей вышли из воды, а младенцы, еще не родившись из маминого животу, с таким удовольствием плавают в околоплодных водах — поэтому мне всегда нравилось ощущение погружения в воду, особенно в воду с ароматом лимона.

— Эй, разве гель для душа у тебя не с ароматом лаванды? — спросила я у Мякиша.

В тот момент я лежала в его объятиях, положив голову ему на плечо, запрокинула лицо и смотрела на размытую хрустальную поверхность над головой.

— Мм, тебе же нравится лимонный аромат, разве нет?

Как странно, откуда он знает, что мне нравится гель для душа с ароматом лимона? Впрочем, раз уж зашла речь...

— Мякиш! — без всяких церемоний позвала я его. — Слушай, можешь при случае помочь мне заменить ванну в комнате? Розовая ванна в форме сердечка — это же извращение! Ты понимаешь?

— Извращение? Хун Тао ведь сказал, что тебе точно понравится!

Этот мужчина-подсолнух? Я закатила глаза, ну конечно... Я легко могла представить, как в этот момент подсолнух стоял к Мякишу спиной и с мерзкой ухмылкой на лице.

— А тебе самому нравится эта штука?

Мякиш энергично мотнул головой:

— Нет.

— Вот именно, с чего бы мужчине такое нравиться?

— ...Тоже верно...

Я была безумно довольна. Ха-ха, оказывается, Мякиш порой бывает таким же наивным, как и все остальные.— Юйчэн... — Мяуки без конца покусывал меня за ухо, отчего мне становилось щекотно. — Юйчэн, если однажды... Я говорю, если вдруг однажды ты узнаешь, что я тебя обманул, ты сердишься?

Я слегка замер. В тот момент я как раз плескался в воде, наблюдая, как разлетаются брызги. Разумеется, никакой радуги там увидеть было нельзя.

— И в чём же ты меня обманул?

В деньгах? У меня всё равно нет денег, чтобы ты мог меня обойти. В теле? Мы ведь сразу обо всем договорились, я был к этому готов морально. Что ещё тут может быть? Разве у тебя нет всего того же, что есть у меня? А чего нет у меня — есть у тебя... Я даже не представляю, в чём ты мог бы меня обмануть.

Мяуки ничего не ответил. Он вдруг крепко обнял меня, уткнувшись лицом мне в плечо. И на этот раз я, на удивление, промолчал.

Я вспомнил сказку, которую рассказывала мама, она называлась Русалочка. Русалочка полюбила принца, она отдала свой голос в обмен на пару ног, каждый шаг на которых отдавался так, будто ступаешь по остриям ножей, но в конце принц выбрал не её, и Русалочка превратилась в морскую пену.

Я вдруг отчётливо понял одну вещь — моё сердце... Если Мяуки вздумает обмануть моё сердце...

— Юйчэн? Я зажмурилась. Впервые, впервые в жизни мне хотелось ни о чем не думать, просто тихо раствориться в объятиях воды, в его объятиях, и ни о чем не размышлять.

Мякиш, казалось, тяжело вздохнул, крепче прижал меня к себе, и я услышала его размеренное дыхание.

Когда Мякиш ушел, я все еще лежала в ванне. Он пытался поднять меня на руки, но я отчаянно сопротивлялась, и в конце концов, потеряв терпение, он просто оставил меня в воде, а сам вышел.

Ну что за вредный Мякиш! Неужели он до сих пор не понял, хотя я выразилась предельно ясно?

— Эх... — я протяжно вздохнула, собираясь выбираться.

— Неужели наш Маленький Воробей решил свить гнездо прямо в ванне? — раздались шаги, громкий смех, и кто-то рывком распахнул дверь. — Ой, если еще немного посидишь, превратишься в разбухшую булочку.

Я вытаращила глаза, глядя на вошедшую красавицу... Да, это была настоящая красавица: длинные волосы, ципао, высокие каблуки, лицо, прекрасное, словно нарисованное...

— Ужасно устала. На таких каблуках ходить — одно мучение, в другой раз надену обувь на плоской подошве.

Красавица плюхнулась на край ванны, не церемонясь, задрала подол ципао, закинула ногу на ногу, скинула туфли в коридор и, опустив голову, стала внимательно осматривать свои ступни.

— Опухли...

Я продолжала таращиться на «нее», не в силах пошевелиться.

— Юйчэн? — красавица обернулась и, протянув руку, похлопала меня по щеке. — Что такое? Никогда не видел такой красоты?

— А-а... — это было единственное, что я смогла вымолвить.

Красавица нахмурилась и зажала уши:

— Юйчэн, ну зачем издавать такие пронзительные звуки? Люди внизу подумают, что я тебя тут съела. Неужели нет другого способа выразить удивление?

...Не знаю, есть ли он...

— Ло...

— Зови меня Шаша, — он шмыгнул носом. — Пахнет лимоном, неплохо, довольно приятно.

— Ша... Шаша, как ты здесь оказался?

— Мы с Хун Тао отправились за покупками, а этот покойник в торговом центре увидел какого-то мальчишку и тут же поплелся за ним следом... Я в ярости примчался сюда. Кстати, внизу встретил твоего мужа, он попросил меня присмотреть за тобой. Жарко здесь... — Ло Ша небрежно стянул парик.

Я по-прежнему сидела с остолбенелым видом.

— Юйчэн, честно признайся, вы вчера... — он обернулся. — Маленький Воробей, не говори, что я тебя не предупреждал. Если будешь так на меня смотреть, у меня самого руки зачесутся... — Ло Ша протянул руки, имитируя когтистые лапы. — Смотри, съем ведь!

— Ты уже закончил? Я тут больше не могу, еще немного — и начну раздеваться.

— Да, закончил, закончил! — поспешно ответила я. На самом деле, я не против посмотреть, как красавица раздевается, но только если это действительно красавица!

Ло Ша довольно поднялся на ноги. Я тоже попыталась встать, но пронзительная боль заставила вскрикнуть... Я ненавижу Мякиша!

— Что такое?

Ло Ша обернулся, усмехнулся и наклонился:

— Позволит ли наш маленький принц рыцарю вынести его из воды?

Что я могла ответить? Не успела я открыть рот, как он вытащил меня из воды. Я снова вскрикнула, бледнея, когда увидела, что на его ципао расплзлась огромная дыра.

— Вечно так, чуть сильнее нажмешь — и все рвется. Ненавижу слишком тесную одежду, — Ло Ша выглядел совершенно невозмутимым. — Юйчэн, потом одолжу что-нибудь у твоего мужа.

Постельное белье, кажется, уже сменили...

При этой мысли я помрачнела. Неужели это делали слуги? Значит, они видели то, что было на простынях...

Ло Ша бережно уложил меня на большое полотенце, разостланное на кровати:

— Юйчэн, глядя на тебя сейчас, мне и правда хочется съесть тебя целиком... Не бойся, я не стану есть младенцев. Чжэньцзэ вчера очень старался, да? Вижу по твоему виду... Хочешь, сестренка научит тебя паре приемов?

— Шаша... — я наконец решила прервать его поток речи. — Ты не мог бы сначала дать мне одежду?

Он на секунду замер, а потом улыбнулся.

— Конечно. Юйчэн, а ведь ты сейчас гораздо бледнее, чем был в тот день, когда пришел ко мне устраиваться на работу. Хм... — он кивнул. — Скоро тоже станешь таким же Мякишем.

— Не хочу я быть Мякишем.

Я буркнула это себе под нос и принялась осторожно натягивать футболку, которую подал Ло Ша.

— Почему? Мякиш — это ведь так здорово.

Здорово? Разве было бы здорово, если бы мне было так больно?

Ло Ша, кажется, прочел мои мысли, он с улыбкой похлопал меня по щеке:

— Не дуйся. В первый раз всегда так бывает, я ведь тоже через это прошел.

<http://bllate.org/book/21136/2144036>